

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2021-2022 уч. г.

МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

11 КЛАСС

Задание 1

Творческое задание

Проведите журналистское расследование, интерпретируя стихотворение-загадку А.Вознесенского «E.W.», в котором содержится версия пушкинского мифа. Используя тайные знаки, рассыпанные в стихотворении, реконструируйте историю отношений между А.С. Пушкиным и Е.К.Воронцовой, одну из самых романтических и одновременно загадочных, которая послужила основой для создания поэтических текстов.

Журналистское расследование представляет собой жанр, основанный на изучении каких-либо тайн, в данном случае это расследование истории отношений. Журналистское расследование имеет следующую структуру: в вводной части называется (обозначается) проблема, которой посвящена статья, в основной части раскрывается ваша версия происходившего и даётся интерпретация событий. Части статьи соответствуют определённым этапам расследования и представляют собой доводы (факты), подтверждающие точку зрения. В конце статьи делается заключение всему сказанному.

NB. Особенностью журналистского расследования является то, что оно должно строиться на достоверных фактах.

Материалом для журналистского расследования будут служить:

- Стихотворение - анаграмма А. Вознесенского;
- Стихотворения А.С. Пушкина;
- Письмо А. С. Пушкина к К. Воронцовой;
- Исследования историка литературы М.О. Гершензона.

Задание. Пользуясь предложенными материалами, проведите журналистское расследование, расшифруйте загадку и изложите свою версию высоких отношений (любви) поэта.

Стихотворение - анаграмма А. Вознесенского

Примечание. Анаграмма – перестановка букв, посредством которой из одного слова составляется другое. В стихотворении повторяющееся рефреном слово «Вобюлиманс» читается с конца и обозначает «с нами любовь».

Е. W.

Как заклинание псалма,
безумец, по полю несясь,
твердил он подпись из письма:
"Wobulimans" *– "Вобюлиманс".

"Родной! Прошло осмнадцать лет,
у нашей дочери – роман.
Сожги мой почерк и пакет.
С нами любовь. Вобюлиманс.
P.S. Не удался пасьянс".

Мелькнет трфовый силуэт
головки с буклями с боков.
И промахнется пистолет.
Вобюлиманс – С нами любовь.

Но жизнь идет наоборот.
Мигает с плахи Емельян.
И всё Россия не поймет:
С нами любовь – Вобюлиманс.

1977г.

В 1977 году А. Вознесенский написал стихотворение - анаграмму «Е. W.», в котором зашифрована тайна отношений А.С. Пушкина и Е.К. Воронцовой. В стихотворении со сложным метафорическим сюжетом образ великого поэта многогранен. В нём Пушкин – и тайный возлюбленный жены генерал-губернатора Одессы графа Воронцова Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, и получатель письма, и участник дуэли, и русский поэт, и

создатель романа о восстании Пугачёва. В стихотворении встречаются и другие «лица»: это автор письма, дочь, Емельян, «трефовый силуэт»... Последний образ, вызывающий в сознании ещё один карточный образ – Пиковую Даму, вводит в стихотворение мотив рока, предопределённости судьбы: «Не удался пасьянс».

Вознесенский предлагает своё толкование пушкинского мифа, его волнует не только частная история отношений, он показывает гениального поэта в единстве жизни и творчества.

Рисунок А.С. Пушкина, изображающий Е.К. Воронцову
(одно из 30 изображений, выполненных А.С. Пушкиным)

2. Факты, связанные с пребыванием А.С. Пушкина в Одессе

Знакомство А.С. Пушкина, уже известного поэта, набирающего силу, и Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, жены генерал-губернатора Одессы, произошло в одесский период жизни А.С. Пушкина (июль 1823–август 1824). Е. К. Воронцова подарит Пушкину сердоликовый перстень-печатку, который он будет считать своим талисманом и до конца дней не снимет с руки. В свою очередь А.С.Пушкин посвятит Воронцовой стихотворения, ставшие

образцами любовной лирики. («Талисман», «Храни меня, мой талисман», «Сожжённое письмо», «Желанье славы» и др.).

Их отношения стали для поэта своего рода школой высокого чувства любви. Переписка между Е.К. Воронцовой и А. С. Пушкиным продолжится и после того, как он будет выслан в Михайловское.

Ссылка в Михайловское, куда поэт отправится в 1824 году, во многом была связана и с обвинением в вольнодумстве, и со «склонностью к атеизму». Немалую роль в замене ссылки в Одессе на ссылку в Михайловское сыграли письма ко двору генерал-губернатора Одессы М.С. Воронцова, в которых раздражённый чиновник обращался с просьбой «освободить» его от Пушкина.

3. Стихотворения А.С. Пушкина, происхождение которых исследователи связывают с именем Е.К. Воронцовой

«Сожженное письмо»

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...
1825г.

«Храни меня мой талисман»

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.
1825 г.

«Желанье славы»

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,

Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.
1825г.

«Талисман»

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.
И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...
Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»
1827г.

3.Письмо А.С. Пушкина к Е.К. Воронцовой (написано по- французски).
Это ответ на письмо Е.К. Воронцовой, в котором она просила поэта принять участие в пожертвованиях бедным.

1.Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукописями, но предпочел провиниться перед публикой, чем ослушаться ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?

Остаюсь с уважением, графиня, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Александр Пушкин.

5 марта 1834.

Петербург. (*Франц.*)

Примечания

Ответ на письмо Е. К. Воронцовой из Одессы от 26 декабря 1833 г. Какое свое произведение послал Пушкин для альманаха «Подарок бедным» — неизвестно.

4. Исследования историка литературы М.О. Гершензона

Версия историка литературы М.О. Гершензона

Пушкин и графиня Е.К. Воронцова (отрывок)

Обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы на родину в июле 1824 года, остаются до сих пор невыясненными. В этой истории несомненно есть какое-то темное место. Факты нам известные: оскорбительное отношение Воронцова к Пушкину и взаимная антипатия между ними – объясняют не все. Есть достаточно оснований думать, что острая ненависть к Пушкину, заставившая надменного и выдержанного «лорда» унизиться до жалкой мести человеку, стоявшему так неизмеримо ниже его по общественному положению, была вызвана каким-то личным столкновением между ними на интимной почве. Эта уверенность заставляет отвести данному эпизоду видное место не только во внешней биографии Пушкина, но и во всей истории его душевной жизни. Тем важнее разобраться в обстоятельствах этого дела.

В пушкинской литературе прочно установилось мнение, что причиной высылки Пушкина из Одессы была ревность, возбужденная в Воронцове отношениями поэта к его жене, графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. Считается доказанным, что Пушкин во вторую половину своего пребывания в Одессе, приблизительно с конца 1823 года (т.е. после отъезда Ризнич), полюбил Воронцову и пользовался ее взаимностью. Большинство биографов думает даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той

единой, сильнейшей любовью Пушкина, которая, начиная с одесского времени, не покидала его всю жизнь и которую он так тщательно скрывал. Насколько справедливы эти два утверждения ?

.....

Пушкин несомненно был влюблен в Воронцову, но повторяю, мы ничего не знаем об этом, кроме голого факта. Имя Воронцовой фигурирует в "дон-жуанском" списке – вот и все. Это еще ничего не говорит ни о продолжительности, ни о характере этой любви. В этом списке много имен; рядом с женщинами, которых Пушкин любил глубоко и долго, здесь отмечены и героини его мимолетных увлечений, вероятно вовсе не увенчанных взаимностью. Но биографы и здесь не отступились. Стремление "округлить" эпизод, разработать голый факт в полную романтическую историю, породило целый ряд догадок, со временем превратившихся в факты, о которых более не спорят. В 1825 году Пушкин в Михайловском написал стихотворение "Сожженное письмо" ("Прощай, письмо любви, прощай! Она велела..."). А сестра Пушкина рассказывала Анненкову, что когда получалось *из Одессы* письмо с печатью, носившей точно такие же каббалистические знаки, какие были на перстне ее брата, Пушкин запирался у себя в комнате и никого не пускал к себе. Этот перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма из Одессы были от Воронцовой. Это повторяют все биографы до П. Е. Щеголева включительно {См. указ. статью, стр. 311--312.}, и в любом издании сочинений Пушкина можно найти указание, что стихотворение "Сожженное письмо" относится к Воронцовой, а в монументальном Венгеровском издании эта пьеса для большей ясности даже сопровождается портретом Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелепость этой басни. Есть ли малейшая вероятность, что графиня Воронцова имела два одинаковых перстня с *древне-еврейской* надписью: "Симха, сын почтенного рабби Иосифа старца, да будет его память благословенна", или что прежде чем подарить перстень Пушкину, она заказала себе дубликат? Правда, в стихотворении упоминается перстень:

Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит...

Но в те времена *все* запечатывали письма сургучной печатью, и множество людей – именно печатью, вырезанной на перстне, как это сплошь и рядом можно видеть на письмах 20-х – 30-х годов.

Итак, безусловно отвергая легенду, я считаю возможным – исключительно на основании "дон-жуанского" списка – утверждать только то, что Пушкин, долго ли, коротко ли, был влюблен в графиню Воронцову. Существование каких-нибудь интимных отношений между ними приходится решительно отвергнуть, хотя бы уже на том основании, что такие отношения не могли бы ускользнуть от ревнивых взоров А.Раевского, безумно любившего Воронцову и близкого к ней по-родственному; результатом их была бы неизбежно жестокая ненависть Раевского к Пушкину, чего мы в

действительности не видим и тени. Эти соображения заставляют отрицать всякую законность за приурочением к Воронцовой каких бы то ни было стихотворений Пушкина, в особенности тех, где есть намек на обоюдную страсть. Г. Щеголев относит к Воронцовой четыре пьесы. Об одной из них – "Сожженное письмо" – мы уже говорили. Другое, "Ненастный день потух", написанное осенью, вероятно 1824 г., рисует пейзаж несомненно не одесский, а крымский: ни один человек, выдавший одесское взморье, не усомнится в этом, ибо там нет ни "гор", ни "берегов, потопленных шумящими волнами", и, конечно, не вид с дачи Рено рисуют эти строки:

Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами.

Задание 2

Аналитическое задание

Проза

В.В. Набоков

«Порт»

В низкой парикмахерской пахло прелыми розами. Жарко и тяжело жужжали мухи. Солнце лужами топленого меда горело на полу, щипало блеском флаконы, сквозило сквозь долгую занавеску в дверях: занавеска--глиняные бусы да трубочки из бамбука, попеременно нанизанные на частые шнуры – рассыпчато позвякивала и переливалась, когда кто-нибудь, входя, плечом ее откидывал. Перед собой, в тускловатом стекле, Никитин видел свое загорелое лицо, лепные пряди ярких волос, сверканье ножниц, стрекотавших над ухом, – и глаза его были внимательны и строги, как это всегда бывает, когда смотришься в зеркало. Накануне он приехал из Константинополя, где жить стало невтерпеж, в этот древний южно-французский порт; утром заходил в русское консульство, в бюро труда, бродил по городу, узкими улочками сползающему к морю, устал, разомлел и теперь зашел постричься, освежить голову. Пол вокруг стула был уже усыпан яркими мышками, – обрезками волос. Парикмахер набрал в ладонь жидкого мыла. Вкусный холодок прошел по макушке, пальцы крепко втирали густую пену, – а потом грянул ледяной душ, екнуло сердце, мохнатое полотенце заработало по лицу, по мокрым волосам.

Плечом пробив волнистый дождь занавески, Никитин вышел в покатый переулок. Правая сторона была в тени, по левой в жарком сиянии дрожал вдоль панели узкий ручей, девочка, черноволосая, беззубая, в смуглых веснушках, ловила звонким ведром сверкавшую струю; и ручей, и солнце, и фиолетовая тень,— все текло, скользило вниз, к морю: еще шаг, и там, в глубине, между стен, выросал его плотный сапфировый блеск. По теневой стороне шли редкие прохожие. Попался навстречу негр в колониальной форме,—лицо, как мокрая галоша. На тротуаре стоял соломенный стул, с сидения мягко прыгнула кошка. Медный провансальский голос затараторил где-то в окне. Стукнул зеленый ставень. На лотке, среди лиловых моллюсков, пахнувших морской травой, шероховатым золотом отливали лимоны.

Сойдя к морю, Никитин с волнением поглядел на его густую синеву, переходившую вдаль в ослепительную серебристость,— на световую рябь, нежно игравшую по белому борту яхты,— и потом, пошатываясь от зноя, пошел разыскивать русский ресторанчик, адрес которого он приметил на стене в консульстве,

В ресторанчике, как и в парикмахерской, было жарко, грязновато. В глубине, на широкой стойке, сквозили закуски и фрукты в волнах сизой кисеи, прикрывавшей их. Никитин сел, расправил плечи: рубашка прилипла к спине. За соседним столиком сидели двое русских, видимо, матросы с французского судна, а поодаль одинокий старичок в золотых очках, чмокая и посасывая, лакал с ложки борщ, Хозяйка, вытирая полотенцем пухлые руки, материнским взглядом окинула вошедшего. Два лохматых щенка, лопоча лапками, валялись на полу; Никитин свистнул; старая облезлая сука с зеленой слизью в углах ласковых глаз положила морду к нему на колени.

Один из моряков обратился к нему, сдержанно и неторопливо:

— Отгоните. Блох напустит.

Никитин потрепал собаку по голове, поднял сияющие глаза.

— Этого, знаете, не боюсь... Константинополь... Бараки... Что вы думаете...

— Недавно прибыли? – спросил моряк. Голос -- ровный. Сетка вместо рубашки. Весь прохладный, ловкий. Темные волосы отчетливо сзади подстрижены. Чистый лоб. Общий вид порядочности и спокойствия. -- Вчера вечером,-- отвечал Никитин. От борща, от черного огненного вина он еще больше вспотел. Хотелось смирно сидеть, тихо беседовать. В пройму двери вливалось яркое солнце, трепет и блеск переулочного ручейка,-- и поблескивали очки у русского старичка, сидевшего в углу, под газовым счетчиком.

— Работы ищите? -- спросил второй матрос, пожилой, голубоглазый, с бледными, моржовыми усами, но тоже весь отчетливый, чистый, отшлифованный солнцем и соленым ветром. Никитин улыбнулся:

— Еще бы... Вот был сегодня в бюро труда... Предлагают сажать телеграфные столбы, вить канаты, да вот не знаю...

— А вы к нам, — проговорил черноволосый, — кочегаром, что ли. Это, скажу вам, дело... А, Ляля... Наше вам с кисточкой!

Вошла барышня, в белой шляпе, с некрасивым нежным лицом, прошла между столиков, улыбнулась сперва собачкам, потом морякам. Никитин спросил что-то и забыл свой вопрос, глядя на девушку, на движение ее низких бедер, по которым всегда можно узнать русскую барышню. Хозяйка нежно взглянула на дочь, устала, мол, просидела все утро в конторе, а не то в магазине служит. Было в ней что-то трогательное, уездное, хотелось думать о фиалочном мыле, о дачном полустанке в березовом лесу. Конечно, за дверью никакой Франции нет. Кисейные движения. Солнечная чепуха.

— Нет, это вовсе не сложно, – говорил моряк, – бывает так: железная бадья, угольная яма. Подгребаете, значит. Сперва легко,— пока уголь скатом: сам в бадью сыплется; потом тяжелее. Наполните бадью, ставите ее на тележку. Подкатываете к старшему кочегару. Тот ударом лопаты — раз! — отпахивает печь,— два!— той же лопатой бросает, знаете, широко, веером, чтобы ровно лег. Работа тонкая. Изволь следить за стрелкой, а если понизится давление...

В окне с улицы появились голова и плечи человека в панаме и белом пиджаке. -- Как изволите поживать, Ляля? Облокотился о подоконник.

— Да-да, конечно, жарко, так и пышит. Работать нужно в одних штанах да в сетке. Сетка потом черная. А вот я говорил,-о давлении-то. В печи, значит, образуется накипь, каменная кора, разбиваешь атакой длинной кочергой. Трудно. Зато как потом выскочишь на палубу — солнце, хоть и тропическое, а кажется свежим,— да встанешь под душ, да шмыг к себе в кубрик, в гамак, — благодать, доложу я вам... Тем временем у окна:

— А он, понимаете, утверждает, что видел меня в автомобиле!

Голос у Ляли был высокий, взволнованный. Ее собеседник, белый господин, стоял, облокотясь с внешней стороны подоконника, и в квадрате окна были видны его круглые плечи, бритое мягкое лицо, наполовину освещенное солнцем: русский, которому повезло.

— Вы еще, говорит, были в сиреновом платье, а у меня и нет такого,— взвизгнула Ляля,— а он настаивает: "же вузасюр".

— Нельзя ли по-русски,— обернулся моряк, говоривший с Никитиным. Человек в окне сказал: -- А я, Ляля, достал эти ноты. Помните? Так и пахнуло,— почти нарочито, словно кто-то забавлялся тем, что выдумывает эту барышню, этот разговор, этот русский ресторанчик в чужеземном порту,- - пахнуло нежностью русских захолустных будней, и сразу, по чудному и тайному сочетанию мысли, мир показался еще шире, захотелось плыть по морям, входить в баснословные заливы, везде подслушивать чужие души.

— Вы спрашиваете, какой рейс? Индокитай,— так просто сказал моряк.

Никитин задумчиво застукал папиросой о портсигар; на деревянной крышке выжжен золотой орел. — Хорошо, должно быть. — А что? Конечно, хорошо.

— Ну, расскажите что-нибудь. Ну, про Шанхай, про Коломбо.

— Шанхай? Видел. Теплый дождик, красный песочек. Сыро, как в оранжерее. А на Цейлон, например, не попал; вахта, знаете... Моя была очередь...

Человек в белом пиджаке, согнув плечи, через окно говорил Ляле что-то, тихо и значительно. Она слушала, набок склонив голову, одной рукой потрагивая завернувшееся ухо собаки. Собака, выпустив огненно-розовый язык, радостно и быстро дыша, глядела в солнечный просвет двери, верно, раздумывая, стоит ли еще полежать на горячем пороге. И казалось, что собака думает по-русски. Никитин спросил: -- Куда же мне обратиться?

Моряк подмигнул приятелю: уломал, дескать. Затем сказал:

— Очень просто. Завтра пораньше пойдете в старый порт, у второго мола найдете наш "Жан-Бар". Вот и поговорите с помощником капитана. Думаю, что наймет.

Никитин внимательно и ясно посмотрел на чистый, умный лоб моряка.

— Чем вы были раньше, — в России?

Тот пожал плечами, усмехнулся.

— Чем? Дураком, — басом ответил за него вислоусый.

Погодя оба встали. Молодой вынул бумажник, заткнутый в штаны спереди под пряжку пояса, на манер французских матросов. Чему-то высоко засмеялась Ляля, подошедшая к ним, подала руку: ладонь, верно, чуть сырая, Копошились щенки на полу. Человек, стоявший за окном, отвернулся, рассеянно и нежно посвистывая. И Никитин, рассчитавшись, неспешно вышел на солнце.

Было часов пять пополудни. На синеву моря в пролетах переулков больно было смотреть. Пылали круговые щиты уличных уборных.

Он вернулся в свою убогую гостиницу,-- и, медленно заломив руки, в блаженном солнечном опьянении свалился навзничь на постель. Ему приснилось, что он снова офицер, идет по крымскому косоугору, поросшему молочаем и дубовым кустарником,-- и на ходу стеклом скашивает пушистые головки чертополоха. Он проснулся оттого, что во сне засмеялся: проснулся, а в окне уже синели сумерки.

Подумал, высунувшись в прохладную бездну: бродят женщины. Среди них есть русские. Какая большая звезда.

Пригладил волосы, потер концом одеяла пыльные шишковатые носки сапог, заглянул в кошелек, — пять франков всего, — и опять вышел блуждать, наслаждаться своей одинокой праздностью.

Теперь на улице было люднее, чем днем. Вдоль переулков, спускавшихся к морю, сидели, прохлаждались. Девушка в платке с блестками... Вскинула ресницы... Пузатый лавочник в расстегнутом жилете курил, сидя верхом на соломенном стуле, локтями опираясь на спинку, — и спереди на животе торчал хлястик рубашки. Дети, попрыгивая на корточках, пускали при свете фонаря бумажные лодочки по черной струе, бегущей вдоль узкой панели. Пахло рыбой и вином. Из матросских кабаков, горевших желтым блеском, неслись трудные звуки шарманки, стук ладоней об стол, металлический возглас. А в верхней части города, по главному бульвару, под облаками акаций, шаркали и посмеивались вечерние толпы, мелькали тонкие лодыжки женщин, белые башмаки морских офицеров. Тут и там, словно цветистый огонь застывшего фейерверка, пылало в лиловом сумраке кафе: круглые столики прямо на тротуаре, тени черных платанов на освещенном изнутри полосатом навесе. Никитин остановился, представив себе мысленно кружку пива, ледяную, тяжелую. В глубине за столиками, как руки, заламывались звуки скрипки, и густым звоном переливалась арфа. Чем банальней музыка, тем ближе она к сердцу.

У крайнего столика сидела женщина, вся в зеленом, усталая, гуляющая, покачивала острым носком башмака,

"Выпью, — решил Никитин, — нет, не выпью... А впрочем..."

У женщины были глаза, как у куклы. Что-то было очень знакомое в этих глазах, в длинной линии ноги. Подхватив сумку, она встала, словно торопилась куда-то. На ней была длинная кофточка изумрудной шелковой вязки, низко обхватывавшая бедра. Прошла, шурясь от музыки.

"Вот было бы странно, — подумал Никитин. В памяти у него пронеслось что-то, как сорвавшаяся звезда, — и забыв о пиве, он завернул следом за ней в черный, блестящий переулок. Фонарь вытянул ее тень. Тень мелькнула по

стене, перегнулась. Она шла тихо, и Никитин сдерживал шаг, почему-то боясь ее догнать. – Но ведь это несомненно так... Боже мой, как хорошо..."

Женщина остановилась на краю панели. Над черной дверью горела малиновая лампочка. Никитин прошел вперед, вернулся, обошел женщину кругом, стал. Она с воркующим смешком кинула ласковое французское словцо.

При смутном свете Никитин видел ее миловидное, усталое лицо, влажный блеск мелких зубов.

-- Послушайте, – сказал он по-русски просто и тихо. – Ведь мы давно знакомы, давайте уж говорить на родном языке.

Она подняла брови:

– Инглиш? Юспик инглиш?

Никитин пристально глянул, повторил несколько беспомощно:

– Оставьте. Ведь я знаю.

– T'espolonais, alors? – спросила женщина, по-южному раскатывая последний рокочущий слог.

Никитин сдался, усмехнулся, сунул ей в руку пятифранковую бумажку и, быстро повернувшись, стал переходить покатую площадь. Через мгновение он услышал за собой поспешный шаг, дыханье, шорох платья. Обернулся. Никого. Пустая, темная площадь. Ночной ветер гнал по плитам газетный лист.

Он вздохнул, усмехнулся опять, глубоко засунул кулаки в карманы штанов, – и глядя на звезды, которые вспыхивали и бледнели, словно их раздували гигантские меха, стал спускаться к морю.

Там, над лунным плавным колыханьем волн, на каменной грани старинной пристани, он сел, свесил ноги и так сидел долго, откинув лицо и опираясь на ладони назад отогнутых рук.

Прокатилась падучая звезда с нежданностью сердечного перебоя. Сильный и чистый порыв ветра прошел по его волосам, побледневшим в ночном сиянии.

1924 год

Примечание

Владимир Владимирович Набоков (1899–1977гг.). Русско-американский писатель. Его творчество сложилось в эмиграции, куда после революции выехала семья. В основе его новаторской повествовательной техники лежит принцип варьирования лейтмотивов, складывающихся в изящные «тематические узоры»; утончённой игры с читательскими ожиданиями, парадоксальные развязки, введение противоречащих друг другу субъективных точек зрения. В произведениях воссоздаётся атмосфера зыбкости. «Другой мир» переплетается с темой мимолётного переживания. Прозу отличает острота видения мира в сочетании с умением руководить зрительными впечатлениями.

Опорные вопросы

1. *Где происходят события, описываемые в рассказе «Порт»?*
2. *Каков смысл названия рассказа?*
3. *Что известно о прошлом героя рассказа Никитина?*
4. *Какие изменения происходят с Никитиным на протяжении рассказа?*
5. *Какими средствами писатель воссоздаёт в рассказе «русский мир»?*
6. *В чём особенность повествовательной манеры автора?*

Поэзия

Анализ стихотворения

Линор Горалик

«Как в норе лежали они с волчком...»

Как в норе лежали они с волчком, -
зайчик на боку, а волчок ничком, -
а над небом звездочка восходила.
Зайчик гладил волчка, говорил: "Пора",
а волчок бурчал, - мол, пойдём с утра, -
словно это была игра,

словно ничего не происходило, -
словно вовсе звездочка не восходила.

Им пора бы вставать, собирать дары –

и брести чащобами декабря,
и ронять короны в его снега,
слепнуть от пурги и жевать цингу,
и нести свои души к иным берегам,
по ночам вмерзая друг в друга
(так бы здесь Иордан вмерзал в берега),
укрываться снегом и пить снега, -
потому лишь, что это происходило:
потому что над небом звездочка восходила.

Но они всё лежали, к бочку бочок:
зайчик бодрствовал, крепко спал волчок,

и над сном его звездочка восходила, -
и во сне его мучила, изводила, -
и во сне к себе уводила:
шел волчок пешком, зайчик спал верхом
и во сне обо всем говорил с волчком:
"Се," - говорил он, - "и адских нор глубина
рядом с тобой не пугает меня.
И на что мне Его дары,
когда здесь, в норе,
я лежу меж твоих ушей?
И на что мне заботиться о душе?
Меж твоих зубов нет бессмертной моей души».

Так они лежали, и их короны лежали,
и они прядали ушами, надеялись и не дышали,
никуда не шли, ничего не несли, никого не провозглашали
и мечтали, чтоб время не проходило,
чтобы ничего не происходило, -
но над небом звездочка восходила.

Но проклятая звездочка восходила.

2007 год

1.Примечание

1.Река Иордан – священная река, место Крещения Христа

2. Звёздочка восходила (видимо, речь идёт о Вифлеемской звезде) – звезда, взошедшая в день рождения Христа.

3. «Собирать дары» – это значит исполнять своё высшее предназначение.

2. Примечание

Линор Горалик (Юлия Борисовна Горалик) родилась в 1975 году – писатель поэт журналист. Горалик-лирик показывает героев, охваченных острым и сильным всепоглощающим чувством. «Как всякий настоящий поэт, Линор Горалик в окружающей реальности находит её тайные, прекрасные и ужасные слои – так что вскоре мы все догадаемся, в каком дивном городе живём».

Опорные вопросы

- 1. К какой смене ролей, масок и функции образов приводит приём «перевёртыша», используемый автором в стихотворении?*
- 2. Какую функцию выполняют местоимения для передачи всепоглощающих чувств нежности и неоспоримой взаимной привязанности зайчика и волчка?*
- 3. Какие образы стихотворения, имеющие христианскую коннотацию, напоминают героям о высшем предназначении, о необходимости думать и беспокоиться о своей бессмертной душе.*
- 4. Как, используя аллитерацию, автор передаёт внутреннюю напряжённость борьбы живого существа и времени, по законам которого он существует?*
- 5. Какое звучание приобретает стихотворение благодаря использованию трёхстишья (терцита)?*
- 6. Роль тройной рифмы (триплета: «Пора – утра – игра; восходила – изводила – уводила).*
- 7. Какую функцию выполняет акцентный стих (6 ударений в строке)?*
- 8. Какова коллизия стихотворения?*

